

Гайденко П. И.

**К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси
(начало)**

Проблема типологизации древнерусских монастырей не нова. Она имеет пусть и небольшую, но вполне солидную именами и заслуживающую внимания своим качеством историографию. Вопросы организации древнерусского иночества затрагивались как в дореволюционной, так и более поздней, в том числе современной историографии.

Пожалуй, первыми, кто предпринял систематические усилия в этом направлении, были П.Е. Казанский и митрополит Макарий (Булгаков). Фундаментальное исследование «История православного русского монашества»¹ и краткий, специальный систематический раздел второй книги «Истории Русской Церкви» — «Первые монастыри в России и состояние веры и нравственности»² вполне ясно и отчётливо обозначили всю сложность устройства, а вслед за этим и классификации древнерусского иночества. Едва ли не более яркими стали исследования Е.Е. Голубинского, ушедшего в своих исследованиях значительно далее своих славных предшественников и обнаружившего колоссальную глубину противоречий, сложившихся к концу XIX в. в области исследования истории Русской Церкви. По мнению учёного, между господствовавшими в научной и учебной литературе представлениями об устройстве церкви и её институтов, в том числе монашества, и их состоянием, запечатлённым в сообщениях источников, существовал огромный разлом³. Тем не менее, большинство взглядов выдающегося историка церкви в отношении организации древнерусского иночества оказались если и не незамеченными, то неостребованными. Примером тому может служить продолжавшееся господство крайне упрощённого, а порой и примитивного взгляда церковных учебников на проблемы развития монашества на Руси⁴. В какой-то мере, этот порок был преодолён в суждениях А.В. Карташёва⁵. Однако в большой работе И.К. Смолича древнейший период

¹ Казанский П.Е. История православного русского монашества. М., 1855.

² Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988–1240). М., 1995. С. 101–105.

³ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви: Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 2. М., 1904. С. 552–745.

⁴ Знаменский П.В. История Русской Церкви. М., 2000. С. 63–70; Малицкий П.И. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2000. С. 81–82; Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 81–88; Тальберг Н. История Русской Церкви. Джорданвилль, 1959. С. 57–70; Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества. М., 2007. С. 53–58.

⁵ Карташев А.В. Собрание сочинений: В 2 т.: Т. 1: Очерк по истории Русской Церкви. М., 1992. С. 224–238.

истории русского монашества вновь предстал в идеализированных морально-этических суждениях⁶.

Тем не менее, при всех заслугах и достижениях церковной историографии наибольшие успехи в изучении религиозных институтов, в том числе монашества, были достигнуты в советской и постсоветской отечественной исторической науке. Такими знаковыми работами 60-90-х годов XX в., уделившими внимание монашеству, стали исследования М.Н. Никольского, Я.Н. Шапова, В.Л. Янина, П.П. Толочко, Б.А. Рыбакова и целой плеяды историков и филологов. Научные интересы перечисленных исследователей и их оценки реалий древнерусского иночества далеко не во всём совпадали. Тем не менее, в своей совокупности они позволили увидеть жизнь древнерусской обители и иночества в целом с самых разных сторон: повседневности, организации хозяйства, отношений с ктиторами, места в политической и социальной структуре города. В качестве своего рода итога исследований в исследуемом направлении можно рассматривать исторические очерки «Монашество и монастыри в России»⁷ и совместное исследование Я.Е. Водарского и Э.Г. Истоминой «Православные монастыри России и их роль в развитии культуры»⁸. Что же касается источников по истории монашества, то безусловным прорывом в этой области стали исследования по истории древнерусских иноческих уставов студийской традиции А.М. Пентковского⁹.

Источники, как и исследования последних лет, позволяют говорить о том, что организация древнерусского монашества была сложной и едва ли соответствовала сложившимся на сегодня общепринятым представлениям, основанным на классических исследованиях XIX в., разделявших монашество на странствующее, стремившееся к идиоритмии или же связывавшее свою жизнь с общежитием. Применительно к ситуации XI–XIII вв. такой взгляд на иночество видится излишне лапидарным и нивелирующим крайне сложную и неоднозначную ситуацию, способную запутать, наверное, даже самого старательного исследователя. Неразрешённость проблемы типологизации древнерусских монастырей была вполне ясно осознана ещё Е.Н. Кабанец¹⁰. Затруднения обнаруживаются и в понимании того, что из себя представляет монашество не только институционально, но и ментально.

Если в древней христианской церкви иночество предполагало максимальное уединение, что и отражено в самом именовании «*μοναχός*» — *одиночка*¹¹, то в более поздний период развития христианства ситуация изменилась.

⁶ Смолч И.К. Русское монашество. 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999. С. 21–43.

⁷ Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / Отв. ред. Н. В. Сеницына. М., 2002.

⁸ Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.). Тула, 2009. С. 55–65, 80; Аверьянов К.А. Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начало XX в.) // Вестник церковной истории. М., 2010. № 3–4 (19–20). С. 353–355.

⁹ Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. 420 с.

¹⁰ Кабанец Е.П. О социальной типологии древнерусских пещерных монастырей // Международный симпозиум по искусственным пещерам. К.; Одесса, 1998. С. 24–27.

¹¹ История Древней Церкви: Ч. 1: 33–843 гг. / Под общ. ред. К. А. Максимовича. М., 2012. С. 286.

Жизнь монаха в церковном, обыденном и даже юридическом понимании всё более связывалась не столько с формой и местом его личного подвига, сколько с одноименной общиной. При этом изменялись и представления о том, какой должна быть таковая, и каким критериям ей надлежит соответствовать. Так или иначе, но уже в эпоху позднего русского средневековья при определении наличия обители (установлении статуса иноческой самоорганизации в качестве монастыря) стали придерживаться того мнения, что это должна быть монашеская община, имеющая определённое территориальное устройство, а именно обособленность от мирского пространства с помощью ограды, собственную церковь и свои хозяйственные постройки¹². С определённой долей уверенности можно утверждать, что такой специфический и во многом утилитарный взгляд на организацию «иноческого подвига» начал складываться ещё ранее, вероятно с середины или конца XIV в.¹³. В результате родившийся в религиозном и общественном сознании стереотип надёжно закрепился. Более того, он не был пересмотрен и в более позднее время, получив надёжную опору даже в научной среде, присутствуя как в исследованиях XIX — начала XX вв., так и в современном понимании принципов организации монастырей¹⁴. Однако описанный подход едва ли был

¹² Манькова И.Л. Тобольский знаменский монастырь в первой половине XVII века: рождение и становление // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. Вып. 2(8). С. 142.

¹³ Основания для такой оценки дел обнаруживается в том, с какой скрупулёзностью монастыри стремились узаконить или оградить своё движимое и недвижимое имущество, а также земельные владения от сторонних посягательств в XIV–XV вв. При том, что первые примеры такого юридического отношения к данному вопросу прослеживаются уже в XII в., активное обращение к правовой форме фиксации своих прав, имущества и владений — начинается с упомянутых XIV–XV вв. (см. ГВНП / Подг. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валк. М.; Л., 1949. [грамоты 79, 80, 81, 82, 86, 90, 91, 94, 97, 99, 101, 102, 103, 104, 108, 114, 118, 119, 120, 123, 124, 126, 127, 142, 143, 152, 153, 155, 157, 161, 165, 166, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 175, 176, 192, 210, 211, 212, 213, 214, 218, 219, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 237, 238, 239, 243, 244, 265, 271, 280, 281, 282, 283, 285, 292, 293, 294, 295, 299, 301, 302, 303, 304, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 318, 319, 320, 325, 327, 328, 329, 330, 337, 340, 341, 345, 348]). И в этом отношении усилия монастырей по закреплению своего имущества, границ своих владений и внутренний быт от постороннего вмешательства в целом хорошо вписывался (и, вероятно, этим же и объяснялся) в расширении в затронутый период особых прав церкви в области закрепления завещательного права. Последнее открывало под церковной иерархией и монастырями ничем неограниченные на том этапе возможности по закреплению своего правового статуса и унификации внутреннего управления, административной и экономической организации (Семенченко Г.В. Духовные грамоты XIV–XV вв. как исторический памятник: Дисс. к.и.н. М., 1983. С. 111–121).

¹⁴ Об укоренённости такого взгляда можно судить на основании суждений Е.Е. Голубинского о «несобственных» монастырях времён Владимира или из замечаний В.О. Ключевского о первоначально «неправильной форме организации монастырского братства» Хутынской обители, устроенной преподобным Варлаамом (Голубинский Е.Е. История Русской Церкви: Т. 1. Ч. 2. С. 552–565; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. С. 54). В наши дни подобная осторожность в отношении организационной первых русских монашеских общин высказана В.И. Петрушко (Петрушко В.И. История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества. С. 53–54).

верен в отношении русских церковных реалий конца X — середины XIII вв. Яркий тому пример — история самого Печерского монастыря, долгое время не знавшего собственного храма, ограды, очерченного грамотами территориального владения и комплексной системы хозяйственных построек, плохо вписывавшихся в древнее монашеское представление об обетах нестяжания.

Впрочем, проблема типологизации древнерусских иноческих поселений осложняется не только формальной стороной вопроса определения статуса монашеской общины как монастыря, но и выбором признаков и принципов, на основании которых эти обители могли бы быть классифицированы. При том, что ряд критериев уже обозначался в историографии, — как то: время появления обители, численность, социальное происхождение насельников и принципы собирания братии, место монастыря среди общественных и властных институтов, значение в церковной и административной жизни Руси или земли, местоположение (земля и территориальное положение в отношении города), степень зависимости / независимости или автономии (самоуправляемые, ктиторские, кончанские, епископские, обладающие княжеской ставропегией), гендер (мужская, женская или же совместная) и, наконец, используемые уставы, — едва ли перечисленные признаки необходимо признать окончательными, а главные достаточными для описания и анализа монашеской организации Руси конца X — второй половины XIII вв.

Действительно, в типологизации обителей могли бы быть освещены и такие аспекты как форма самоуправления, статус игумена (наличие или отсутствие степени священства [«поповства»], игуменство, архимандритство), место среди иных монастырей церковного округа или города, степень внутренней сплочённости насельников, их социальный состав и уровень общей культуры и «образования». Не меньший интерес представляет классификация обителей по их материальному достатку, причастности к развитию национальной и общехристианской культуры, отношению к миссии и экономике земли или стоявших за обителью ктиторов, времени (продолжительности) существования и оставленной после себя памяти.

Первые упоминания о монашестве и монастырях на Руси в период правления Владимира Святославича носят в своём большинстве крайне смутный и лишённый какой-либо ясности характер. Но если спорадические разрозненные сюжеты и известия, связанные с деятельностью отдельных иноков, позволяют создать хоть какое-то представление о духовном состоянии первых монахов и их нравах, то прямые первые сообщения о первых древнерусских монастырях в большинстве случаев малоинформативны. Обозначенное качество известий особенно усиливается тем, что в некоторых случаях составители подобных упоминаний, очевидно, преследовали риторические хвалебные цели, отражавшие не столько реальную, сколько должную и желаемую действительность¹⁵. Но и тогда, когда вместо похвал в адрес таковых монастырей звучал упрёк, названия этих мест иноческого подвига багоразумно скрывалось, изглаживая тёмные стороны

¹⁵ См. упоминания об открытии монастырей при Ярославе Мудром: ПСРЛ. Т. 2. Стб. ; 139; Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / Сост, автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 186.

истории конкретных обителей и предоставляя читателю возможность самостоятельно домыслить ситуацию¹⁶.

Пытаясь примирить слова Илариона и мниха Иакова о распространении организованной монастырской жизни в годы княжения Крестителя Руси с действительностью, Е.Е. Голубинский и поддержавший его И.К. Смолич предложили видеть в этих первых общинах не «собственные монастыри», а поселения иноков или христиан подвижников, возможно даже не имевших пострига, своего рода «монашеские слободки»¹⁷. Как нам видится, такой подход отражал проблему борьбы стереотипического представления о том, каковой должна быть обитель в представлении учёного XIX — первой половины XX вв., и тем, что открывал источник (об этом отчасти уже сказано выше). Тем не менее, рассуждения и высказанные Е.Е. Голубинским крайне интересны и не утрачивают своей научной значимости.

Действительно, византийское право определяло порядок открытия и утверждения монастырей¹⁸, но не устанавливало строгих и во многом формальных критериев к иноческим общинам-поселениям, желавшим заявить о себе как об обителях. Учитывая многообразие форм иноческой самоорганизации в Византии, подобная регламентация была трудноосуществима. Кажется, высшие церковные власти волновали иные проблемы монастырской жизни: разрастание числа черноризцев и создаваемых ими общин, а также их широкая автономия, плохо контролируемая со стороны местного епископата. Судя по всему, главными критериями представляли два основных требования: наличие самих иноков и возможность их содержания. Константинопольский Двукратный собор 861 г.

¹⁶ Такой упрёк звучит в древнерусских источниках, по крайней мере, дважды: в житии преподобного Феодосия и в сказании о начале Печерского монастыря. Так, рассказывая о приходе Феодосия в Киев, составитель жития сообщает, что будущего подвижника не приняли ни в одной обители города по причине бедности юноши (Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М., 1978. С. 316, 317). Подобный упрёк обнаруживается и в рассказе о приходе в Киев преподобного Антония, который также не смог остановиться ни в одном из монастырей города. Правда, в этом случае произошедшее летописец объяснил тем, что увиденное в этих обителях Антонием «не полюбившееся» подвижнику, и того «Б[ог]у не хотяшу» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 144–145; Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 316, 317). В этом же рассказе, объясняя духовное цветение Печерской обители и её преимущества перед остальными монастырями, автор записи так рассуждал: «мнози бо манастыри от ц[а]рь . и от бояр и от б[ог]атства поставлени . но не суть тацц . Кации же суть поставлени слезами . и пощением . и молитвою» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 147–148; Киево-Печерский Патерик... С. 320, 321). При том, что последний упрёк был вызван амбициями князя Изяслава и объяснялся желанием старшего Ярославича создать Дмитровский монастырь, который должен был по богатству превзойти иные обители, слова автора сказания указывают, что устремления князя были типичными, своего рода симптоматичными и вполне могут быть отнесены ко многим монастырям Киева. Но, как и в случае с Феодосием, названия этих обителей были сокрыты.

¹⁷ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви: Т. 1. Ч. 2. С. 552–565; Смолич И.К. Русское монашество. 988–1917. С. 24.

¹⁸ О канонической власти епископов над монастырями (в рамках византийского права) см.: Цыпин В., прот. Каноническое право. М., 2012. С. 345–346.

смог противопоставить излишнему распространению монашества в империи, что грозило существенными экономическими издержками для государства¹⁹, лишь одно — требования неперемennого утверждения монастырей местными епископами, многие из которых, между тем больше преуспевали в распространении иночества, а не в его сдерживании. В итоге, решения Двукратного собора так и «не достигли назначения»²⁰.

Вероятно, в условиях древнерусского государства с его специфическими формами организации²¹ монашество и не нуждалось в подобной регламентации, обнаружив широкую свободу и неподконтрольность своей деятельности как со стороны княжеской власти, так и канонической власти местного епископата, административная структура которого продолжительные десятилетия также была лишена ясности и внутреннего единства²². Именно этим можно объяснить то, насколько разнообразными оказались иноческие традиции Руси, допускавшие совместное сосуществование на каноническом пространстве Руси разнообразных церковных и монашеских традиций, связанных с влиянием византийских, южнославянских²³, западноевропейских²⁴ и ирландских практик²⁵.

Первую типологизацию монастырей на Руси предложило само сказание о начале Печерского монастыря, определив их по тому, по чьей инициативе они создавались: «царские», «боярские» и собственно обители, устроенные молитвенными и подвижническими устремлениями самих иноков. Однако в условиях домонгольской Руси инициатива открытия или реорганизации монастырей исходила и от иных лиц и групп населения: во-первых, от епископата, во-вторых, от церковных миссий, ярчайшими из которых стали доминиканская община в Киеве и ирландская — в Новгороде, и, в-третьих, от городских концов, что особенно отчётливо прослеживается в истории новгородской епископии. Правда, учитывая, что сказание о начале Печерского монастыря, нередко, хотя и не бес-

¹⁹ Двукр. 1–7 (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 286–299).

²⁰ Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204): Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003. С.78–79.

²¹ О неоднозначности историографических представлений об организации и внутренней структуре древнерусского государства см.: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001. С. 160–169; Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М., 2014.

²² См. подробнее: Фомина Т.Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014.

²³ См. подробнее: Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978; Он же. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб., 2011; Пентковский А.М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси.

²⁴ См. подробнее: Костромин К.А. Развитие антилатинской полемики в Киевской Руси (XI — сер. XII вв.): Страницы истории межцерковных отношений. Saarbrücken, 2013.

²⁵ См. подробнее: Симонова А.А. Эволюция древнерусского религиозного мировоззрения XI–XIV вв.: Дис. к.и.н. М., 2011; Кузьмин А.Г. Крещение Руси. М., 2004. С. 196–198; Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011. С. 30–79.

спорно, связываемое с именем преп. Нестора²⁶, и составленное на основе известий Никона²⁷, не знает ни епископских монастырей, ни кончанских, можно заключить, что практика организации подобных обителей возникла не ранее второй четверти XII в., т. е. после кончины знаменитого летописца.

Ктиторские монастыри. Епископские обители. Вопросы организации и особенностей функционирования ктиторских монастырей неоднократно поднимался в историографии. Обычно под ктиторскими монастырями понимались, как подразумеваются нередко и сейчас, обители, устроенные по воле представителей княжеской власти и боярства. Однако подобный подход не вполне адекватно отражает реалии изучаемого периода²⁸, поскольку ктиторами могли выступать и сами отцы-основатели обители, как это было в случае Антония Римлянина и Варлаама Хутынского, а также епископат. О второй группе монастырей относительно к домонгольскому периоду известно крайне мало. Первые уверенные сообщения о епископских монастырях относятся только к XII–XIII вв. Такими можно признать одну из смоленских обителей, во главе которой был поставлен после долгой опалы Авраамий²⁹, а также Дмитровский монастырь во Владимире, в который сделал существенные вклады за счёт средств местной епископии и куда со временем удалился местный епископ Кирилл, вызвав недовольство местной знати³⁰. Ещё один убедительный пример епископской обители — известия о закладке в 1198 г. владыкой Мартирием собственного монастыря в Русе (Старой Русе)³¹.

Между тем, в отношении иных монастырей, связанных с деятельностью епископских кафедр ситуация видится более сложной. Так, не совсем ясен статус Борисо-Глебского монастыря в Турове, в котором проживали местные епископы. Судя по продолжительности их нахождения в обители, о чём можно судить по житию Мартына Туровского³², обитель, скорее всего, служила резиден-

²⁶ Шахматов А.А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Шахматов А.А. История русского летописания: Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды: Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 92; Бугославский С.А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1914. Т. 19. Кн. 3. С. 153–163; Творогов О.В. Нестор // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая треть XIV в.): Вып. 1 / под ред. Д. С. Лихачёва. Л., 1987. С. 276–277.

²⁷ Шахматов А.А. История русского летописания: Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды: Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С. 285–287.

²⁸ Подробнее о разнообразии ктиторских монастырей см.: Фомина Т.Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. С. 162.

²⁹ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР: Т. 5: XIII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Понырко. СПб., 2005. С. 52–55.

³⁰ Об истории епископа Кирилла см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452; Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 109; Гайденок П.И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 21–22, 58–59.

³¹ «Заложил боголюбивый архиепископ Мантурей въ Русевъ своемъ монастыре церковь каммену святого Преображения» (ПСРЛ. Т. 3. С. 237).

³² Само слово о Мартыне — содержится в памятниках значительно более позднего происхождения. Однако, скорее всего, в основе текста лежит повествование современное

цией местных святителей³³. Но достаточно ли этого, чтобы характеризовать ту-ровский монастырь как святительский? Подобным образом обстоит дело с церковью Спасителя, располагавшейся вблизи Полоцка и служившей некрополем первых местных архиереев. О том, что упомянутый храм и примыкавшая к нему земля находились в собственности кафедры, упоминает житийное сообщение позднего происхождения, сообщающее помимо всего и о передаче местным святителем Ильёй в присутствии князя и местной знати храмового строения княжне-инокине³⁴. Правда, не совсем ясно, сохранила ли кафедра свою власть и влияние над монастырём в последующем. Судя по надписи-заклятию на Кресте Евфросинии, вопрос об архиерейских правах над монастырём и его собственностью так до конца и не был разрешён³⁵. Также сложно определить статус Аркадиева (1153) монастыря в Новгороде³⁶. С одной стороны, ктитор и создатель обители, Аркадий, со временем, в 1158 г., взошёл на высоту служения, заняв местную кафедру³⁷. Но, с другой стороны, в то же самое время нет никаких оснований говорить о том, что он передал право управления обителью своим преемникам на кафедре святой Софии. Представляется, что произошло обратное. Даже занимая епископский престол и сохраняя свою власть над братией, Аркадий не лишил автономии собранную им общину и не распространил епископского влияния на монастырское хозяйство, обеспечив тем самым своему детищу долгую и безбедную жизнь. Материальные трудности в монастыре, кажется, возникли только через тридцать лет, когда в 1188 г. обитель начала для себя поиски нового ктитора и найдёт его в лице Семеона Дибучевича, построившего на территории монастыря собственный храм в честь Успения Пресвятой Богородицы³⁸. Столь же затруднительно определить в какой мере распространялась власть епископов на обители, в закладке которых они принимали участие или в которых они могли строить свои храмы или принимать участие в строительстве таковых³⁹. Наиболее вероятно, что власть епископов над такими обителями в основном ограничивалась распространением собственного канонического влияния и, возможно, получением некой внутренней церковной ренты. Т.е. участие архиереев в строительстве в иных самостоятельных монастырях отражала проблему укрепления

описываемым событиям, т.е. XII в. (*Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. Т. 1. С. 58).

³³ Сказание о туrowsком мнихе Мартыне // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. С. 583.

³⁴ Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери наша Евфросинии // *Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Крутовой.* М., 2002. С. 157–159; *Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам.* В 3 т.: Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2007. С. 437–438.

³⁵ *Алексеев Л.В.* Крест преподобной Евфросинии Полоцкой // *Российская археология.* 1993. № 2. С. 70–78; *Гайденко П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 108–109.

³⁶ «В то же лето заложи Аркадии игумень святыя богородица Успение и состави собе монастырь» (ПСРЛ. Т. 3. С. 215).

³⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 217.

³⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 229.

³⁹ См. об этом подробнее: *Фомина Т.Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. С. 172–175.

святительской власти и улучшения собираемости внутренних доходов с церковью и иноческих общин.

Монастыри, основанные иноками. Как уже упоминалось, ктиторами могли выступать основывавшие монастыри иноки или же лица, стремившиеся к принятию аскетических обетов и принимавшие в создававшемся ими же монастыре постриг. Примеры подобного рода хоть и немногочисленны, но яркие, что позволяет заключить, что таковые случаи не были чем-то необычным или исключительным. По крайней мере, три случая возникновения монастырей описываемого рода приходится на Новгород. Это обитель Антония Римлянина, уже упоминавшийся Аркадиев монастырь и не менее знаменитый монастырь Варлаама Хутынского. Не менее примечательны две обители, учреждённые Евфросинией Полоцкой вблизи родного города. Наконец, предложенный список не будет полным, если не принять во внимание знаменитый Печерский монастырь, основание которого связано с именами двух его первых настоятелей Антония и Феодосия, а также устроенная стараниями Никона Печерского обитель в Тмутаракани⁴⁰. Правда, в двух последних приведённых случаях утверждать о ктиторском характере Печерского и Тмутараканского монастырей едва ли возможно. Скорее, здесь приходится иметь дело с иным феноменом — высоким авторитетом первых игуменов среди собиравшейся вокруг них братии и об огромной роли настоятелей в хозяйственной жизни монастырей. Данное обстоятельство хорошо прослеживается в неспособности Феодосия получить одобрение от насельников указанного им преемника. Братия отвергла предложенного игуменом кандидата и избрала своего⁴¹. Возникновение такой ситуации в случае, если бы преподобный игумен считался ктитором, в принципе не могло произойти. Как видится, наиболее верно, в монастырях, подобных Печерскому, видеть *самостоятельные монашеские общины*, что между тем не исключало возможности активного участия в жизни таких обителей и внешних сил в лице князей, боярства, горожан и епископата⁴².

Монастыри, создававшиеся усердием самих иноков, обладали особой специфичностью, привлекавшей к ним искателей духовного совершенства. При анализе описываемого типа обителей два обстоятельства особенно примечательны: их устойчивая «популярность» среди христианского населения и высокая сопротивляемость святительской власти. Но в них присутствовали и иные специфические черты. Если судить по сообщениям Печерского Патерика и житиям преп. Феодосия и Варлаама Хутынского, можно заключить, что первоначально в самой монашеской среде Руси под монастырём понималось, прежде всего, место проживания и подвижнических трудов инока. Монастырь оцени-

⁴⁰ О времени и обстоятельствах возникновения этой обители сообщает Житие Феодосия Печерского: «Великий же Нконъ, видевъ таковое смятение въ князихъ суще, отъиде съ инема дъвема чърноризьцема въ прежереченый островъ, идеже бе манастырь съставиль» (Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века. С. 382–383).

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 177.

⁴² Самый яркий пример такого участия — избрание на место игумена вместо почившего Поликарпа попа Василия. В его призвании приняли участие все перечисленные стороны (Киево-Печерский Патерик... С. 486–489).

вался как своего рода «производная» от монаха. Именно так возникает Печерская обитель, как место молитвенного подвига благочестивого священника княжеского храма в Берестовском замке Илариона и подвижничества преподобного Антония с примкнувшими к нему позже учениками и последователями⁴³. Нельзя отрицать того, что афонский пострижник, фактически «самовольно», т. е. без специального волеизъявления местной митрополичьей власти организовал свою обитель. Подобным образом поступил преподобный Никон. Вынужденный отправиться в изгнание, он также по своему усмотрению основал в Тмутаракани монастырь в честь Богородицы⁴⁴.

Не менее интересен опыт новгородских монастырей Антония Римлянина, Аркадия (будущего новгородского епископа) и Варлаама Хутынского. Их возникновение также имеет минимальное отношение к деятельности местных церковных властей, в лице новгородских архиереев⁴⁵. При организации монастыря оно сводилось, главным образом к, своего рода, контролю за происходящим, к освящению храма и к возведению настоятелей общин в игуменское достоинство. Особенно примечательна история Варлаама, принявшего постриг

⁴³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 143–149.

⁴⁴ Житие Феодосия Печерского... С. 328, 329; *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 104, 117.

⁴⁵ Вовлечение епископа Никиты в дела создававшейся обители ограничилось преподаванием Антонию Римлянину святительского благословения, на что тот обратил внимание в своей Духовной (Духовная Антония Римлянина // ГВНП. С. 160), а также смиренным личным участием в строительстве монастырского храма и трапезной. Последнее, очевидно, и Никита, и окружающие воспринимали как личный подвиг епископа, желавшего потрудиться на благо устраивавшегося монастыря: «И начат подошву церковную своима честными руками копати, и заложиша церковь камену, и соверши Богъ» (Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 264). Что касается, Иоанна Попьяна, то, кажется, он вообще не вникал в дела обители, тем самым предоставив ей широкую степень свободы (о специфичности личности Иоанна Попьяна см.: *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII в. С. 96–104; *Мусин А.Е., диак.* Епископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в древней Руси // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород, 1998. Вып. 12; *Печников М.В.* Иоанн Попьян († после 1130) // Православная Энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 432–434). Подобная ситуация встречается и в истории Печерского монастыря. Судя по всему, в период своего непродолжительно первосвятительства митрополит Иларион совершенно не вмешивался в дела обители, что может быть объяснено, как его симпатиями к выбранному Антонием образу жизни, так и принятием Иларионом независимости обители от кафедры в качестве совершенно нормального положения дел (о роли Илариона в основании Печерского монастыря см: *Овчинников Г.К.* Иларион-Русин — выдающийся мыслитель Древней Руси (Очерки жизни и творчества). М., 2011. С. 78–80; *Ужанков А.Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 10–11). Учитывая, что новгородский епископ Никита был из числа первых Печерских постриженников, а преподобный Антоний Римлянин, проявивший себя истинным аскетом и молитвенником, носил стечением обстоятельств имя того же святого, что Антоний Печерский, становится понятным столь же спокойное и даже одобрительное отношение новгородского архиерея к самоуправлению ирландского монастыря.

«вне града» от некоего, возможно, странствующего монаха-«прозвутера»⁴⁶. Последнее обстоятельство весьма примечательно, поскольку сообщение о странствующем монахе-священнике, очевидно, не находившемся в чьей-либо канонической юрисдикции, при сопоставлении с историей странствий Антония Римлянина, а также преподобных Антония и Никона Печерских, также знавших цену скитаниям, позволяет предположить, что на Руси данный феномен не был редкостью.

Ответы митрополита Иоанна II мниху Иакову и митрополита Георгия игумену Герману подтверждают тот факт, что церковным властям справиться со странствующими монахами было сложно⁴⁷. Не меньше затруднений представляло дело переподчинения игуменов самоуправляемых монастырей архиерейским кафедрам. Такой процесс требовал значительного времени и, как правило, проходил в несколько этапов. Вероятно, это объяснялось тем, что в самоуправляемых и самоорганизованных обителях насельники обладали большой сплочённостью и сами избирали себе игумена без обращения к авторитету и помощи святительской власти. Принимая во внимание то, что таковые настоятели не обладали священным саном, повлиять на них было крайне сложно⁴⁸. Примером такого поэтапного подчинения подобных игуменов святительской власти может служить истории Антония Римлянина и Варлаама Хутынского. Особенно примечателен второй случай.

Начальные сведения о Варлааме (например, о его семье) крайне смутны. Даже сообщения летописей и Прологов о смерти подвижника противоречивы и

⁴⁶ Житие Варлаама Хутынского // Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 320.

⁴⁷ Митрополит Иоанн настаивал на том, чтобы пастыри не причащали иноков, живущих вне монастыря, а митрополит Георгий призывал священников соборных храмов отказываться от услуг певчих черноризцев, определяя последним петь только в своих обителях (Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 14 [Иоан. 25]; Неведомы(х) словесь . изложено Георгиемь . митрополито(м) Киевскимь . Герману игоумену въпрашающу . оному поведаящю // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 254 [Георг. 107]).

⁴⁸ О распространённости такого типа настоятелей иноческих общин можно судить по одной из статей устава святителя Георгия. Его канонические ответы определяют: «Аще игуме(н) не по(п) буде(т), и не створена млтва на иг[у]меньствомъ. не бл(с)вити ему рукою. аще ли поставленъ митрополито(м) или ен(с)помъ. да бл(с)ви(т) рукою. аще и не по(п) е(с)» (Неведомы(х) словесь . изложено Георгиемь . митрополито(м) Киевскимь . Герману игоумену въпрашающу . оному поведаящю... С. 252 [Георг. 101]). Рассматриваемое правило-требование примечательно. Очевидно, что не всякая игуменская хиротессия предполагала посвящение настоятеля в пресвитерский сан. Но не менее интересно и иное. Высказанным требованием митрополит признавал то, что игумен мог быть призван к управлению и самой братией, без святительского благословения. Устав Хиландарского монастыря, составленный Саввой Сербским (1169–1237 гг.) описывает, в том числе, и порядок посвящения игумена решением братии обителя (Хиландарский устав [Электронный ресурс] // <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/2199>, свободный — Проверено 18.02.2016). Наверняка святитель Савва не устанавливал нечто новое, а лишь регламентировал то, что и прежде было хорошо известно. Из изложенного выше можно заключить, что обозначенная практика была достаточно широко распространена и на Руси. В итоге епископату, в том числе митрополиту, приходилось с этим мириться.

лишены какой-либо ясности. В результате большинство исследователей Проложного жития, возникшего, скорее всего, вскоре после преставления преподобного основателя Хутынского монастыря, склонно считать, что рассказ о прославленном игумене вполне адекватно и реалистично отражает обстоятельства монашеской жизни описываемого времени⁴⁹. Подобного же доверия заслуживают и картинки жизни монастыря Антония Римлянина. Скорее всего, главным препятствием на пути подчинения названных монастырей кафедре было то, что эти обители возникали на земле, собственниками которой являлись сами ктиторы монастырей. Последнее предоставляло им широкий спектр прав, главными чертами которого были установление собственного устава и фактическая автономия по отношению к епископату. Но, очевидно, к середине XII в., по крайней мере, епископы Новгорода получили возможность влиять на положение таковых монашеских общин через признание, своего рода легитимизацию возникавших монастырей⁵⁰.

⁴⁹ Дискуссию о сообщениях Проложного Жития Варлаама и летописей см.: *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. С. 71, 543–544; *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 52–56; *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 194–198.

⁵⁰ Под институализацией и легитимизацией понимается признание иноческой общины в качестве полноправной канонической единицы. Судя по всему, это оставалось привилегией святительской власти и происходило по мере канонического подчинения данного монастыря епископской кафедре. Если судить по сообщению, помещённому под 1051 г., о начале Печерского монастыря, то данная запись одновременно означала своего рода официальное объявление о создании обители. И это произошло именно при митрополите Иларионе. Кажется, греческие иерархи не торопились признавать самоорганизованную иноческую общину. Только при митрополите-русине ситуация изменилась. Очевидно, М.Д. Присёлков был прав, когда рассматривал дальнейшее осложнение отношений между Печерским монастырём Антония и первосвятительской кафедрой как результат политики нового греческого митрополита по пресечению русской церковной автономизации (*Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII в. С. 106). Очевидно, что признание монашеских общин, собранных Антонием Римлянином и Варлаамом Хутынским, в качестве монастырей предполагало более сложную процедуру и связывалось с официальным освящением храма или/и посвящением отцов-настоятелей в игуменство. На это указывает примечательная запись НЛ о совершённом акте в Хутыне: «В то же лето постави церковь на Хутине чернецъ. Варлаамъ, а а мирьскимъ именемъ Олекса Михайлович, во имя святого спаса Преображение; и свяща ю архиепископъ новгородчкий Гаврила на праздникъ, и нарече монастырь» (ПСРЛ. Т. 3. С. 231). Столь же показательны и признание Антониева монастыря. Сообщения источников позвоят говорить, что оно осуществилось в несколько этапов. Вначале, при епископе Никите, это выразилось в предоставлении «странному» иноку Антонию права на покупку земли под келью, храм и создание поселения (Данная Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, купленную им у Смехна и Прохна Ивановых детей // ГВНП. М.; Л., 1949. С. 159; Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне... С. 259). На втором этапе епископом Иоанном совершенно освящение храма при сохранении монашеской автономии (ПСРЛ. Т. 3. С. 205). Наконец, в 1131 г., настоятель оказался в зависимости от епископа Нифонта, приняв от владыки рукоположение и игуменство (ПСРЛ. Т. 3. С. 207).

В итоге, если принять во внимание, что между созданием (в том числе институализацией) Печерского и Хутынского монастырей пролегал почти полтора столетия, а проблемы их отношений со святительскими кафедрами были схожи, можно заключить, что проблема установления святительского контроля над самоорганизовавшимися монашескими общинами не была решена даже в конце XII — начале XIII столетий. Тем не менее, свобода, с которой некоторые русские монахи могли создавать свои обители независимо от епископских кафедр, требует своего объяснения.

Можно с уверенностью констатировать тот факт, что к началу XIII в. епископату в целом удалось установить контроль над городским монашеством. Подчинение Антониева монастыря новгородской кафедре⁵¹, история суда над Авраамием Смоленским⁵², суд на Поликарпом Печерским⁵³ вполне наглядно дают понять, что уже во второй половине XII века епископат сумел, если и не установить полноценную власть над монастырскими общинами, то уж точно поставить под свой контроль даже весьма крупные и богатые обители. Даже учреждение Печерской архимандритии⁵⁴ не сумело отстранить митрополитов от участия во внутренних делах прославленной обители⁵⁵. Столь же сомнительна автономия

⁵¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 207.

⁵² Житие Авраамия Смоленского... С. 38–45.

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354–355.

⁵⁴ Обстоятельства учреждения Киевской архимандритии не вполне ясны. Впервые киевские архимандриты упоминаются под 1174 г.: «и приде Романъ Киеву и оусретоша и съ кресты митрополить и архимандрить Печерский игумень и инии игумени вся и Кияне и братья его» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 568). Тем не менее, вопрос о личности инициатора совершённых перемен в церковном управлении Киева, о сопутствовавших иммунитетных дарениях и о преследовавшихся при этом целей пока что может быть отнесён к числу дискуссионных (см.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры с присовокуплением разных грамот и выписок. Киев, 1847. С. 161–179; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995. С. 302.; *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Т. 1. Ч. 2. С. 709; *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII в. С. 220–221; *Иловайский Д.И.* История России: в 5 т.: Т. 1. Ч. 2: Владимирский период [Электронный ресурс] // http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_istoriya_rossii_t1_ch2_vladimirskiy_period.html, свободный — Проверено 18.02.2016; *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 158–160; *Лихачёв Д.С.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 344–345; *Поплэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). С. 460–461).

⁵⁵ О том, что ситуация в отношениях между митрополитами и Киевским Печерским монастырём была неоднозначной, можно судить по уже упоминавшимся событиям, последовавшим после смерти игумена Полкарпа. Не сумев прийти к согласию о новом настоятеле, иноки прибегли к помощи первосвятительской кафедры. Действительно, обращение братии Печерского монастыря к митрополиту ясно указало то, что власть русского первоиерарха как епархиального архиерея, имевшего право вмешиваться в дела монастыря, уже признавалась ими. Правда, здесь необходимо принять во внимание ряд обстоятельств. Во-первых, это был период кризиса Печерского общежития, характеризовавшегося отсутствием прежнего единства и сплочённости. Во-вторых, помощь митрополита в деле избрания нового архимандрита стала возможной лишь только по воле братии. И, наконец, в-третьих, митрополит хоть и не замедлил ответить на просьбу иноков, одна-

новгородской и ростовской архимандритий⁵⁶. Вместе с тем нельзя не заметить, что наибольшей самостоятельностью пользовались монастыри, располагавшиеся вне городской черты. Впрочем, и в описываемом случае, учитывая опыт Печерского и Антония Римлянина монастырей, было бы большим преувеличением говорить об их «крайней» удалённости от стен города и тем более недосыгаемости для тех, кто желал бы ним попасть⁵⁷. Даже большое по меркам XII в. расстояние между Новгородом и иноческим поселением Варлаама также едва ли справедливо считать невозможной преградой для паломника, а тем более епископского наезда⁵⁸. Если учесть, что во второй половине XII в. перемещения новгородских владык по территории их церковного округа не были в диковинку⁵⁹, то расположение Хутынского монастыря вдали от городских укреплений едва ли верно рассматривать в качестве достаточного аргумента для объяснения возникающих затруднений. Поэтому то обстоятельство, что архиереи продолжительное время не были способны полноценно контролировать такого рода обители, видится весьма странным. И, если в случае княжеских монастырей недоступность их территории для епископата вполне объяснима⁶⁰, то применительно к материально слабым на начальном этапе общинам подвижников Печерского и Хутынского монастырей анализируемая ситуация видится не вполне понятной. Так в чём же причины столь долго удерживавшейся подобными монастырями независимости?

Нельзя исключать того, что описанный феномен объяснялся комплексом одновременно действовавших факторов. Среди таковых наиболее существенными следует признать: 1) удалённость обителей от города, о чём, было сказано выше, 2) знатное происхождение, особый статус и/или материальную состоятельность большинства основателей подобных общин⁶¹, 3) княжеское покрови-

ко проявил в этом деле предельную осторожность, заручившись поддержкой совсем недавно возведённого на кафедру Туровского епископа Леонтия, выходяда из Печерской обители, постника и прежнего затворника, вероятно, уже при жизни пользовавшегося славой подвижника (Киево-Печерский Патерик... С. 396–399, 486–489; Галимов Т.Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII — первой трети XIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2012. Вып. 52. № 25 (279). С. 109–110).

⁵⁶ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. С. 160–162.

⁵⁷ Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: В 3 т. СПб., 1892. Т. 2. С. 56–57, 175–176.

⁵⁸ Расстояние от Новгорода до Хутынского монастыря около 10 вёрст (Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 2. С. 401), т. е. 10–11 км. Даже в условиях плохих дорог такое расстояние вполне возможно преодолеть в пешем порядке в течение 3 часов или, при условии возможного попутного отдыха, по крайней мере, дневного времени.

⁵⁹ О поездках епископов в середине и во второй половине XII в. за пределы Новгорода с политическими, богослужебными и иными целями местное летописание сообщает неоднократно под 1147, 1148, 1152, 1156, 1172, 1179, 1180, 1181, 1190, 1192, 1196, 1197, 1198 гг. (ПСРЛ. Т. 3. С. 214, 215, 216, 222, 225, 226, 227, 230, 231, 235, 237, 238).

⁶⁰ Гайденко П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. С. 43–54.

⁶¹ Высказанное положение находит поддержку в целом множестве примеров. Преподобные Антоний и Феодосий, судя по тому, как их именовали или описывали происхож-

тельство⁶², 4) продолжительную скудость монастырей на начальном этапе их становления⁶³, 5) внутреннюю независимость и упорство первых поколений братии монастырей⁶⁴ и, наконец, 6) самоуправляемость подобных монастырей. Последний тезис не бесспорен, однако отвергнуть его также невозможно.

дение, были *мужами* или, по меньшей мере, представителями свободного населения, связанного с княжеским окружением. Названное обстоятельство позволяет оценивать их как представителей древнерусской знати. Такой же пример знатного происхождения — Валаам Хутынский. Несомненно, особым статусом *иностранца* и представителя иной христианской традиции, а также существенными материальными ресурсами обладал Антоний Римлянин, вероятнее всего ирландец, обнаруживший к тому же существенные денежные ресурсы, какого бы происхождения они ни были — чудесного, как повествует его история, или же более «естественного».

⁶² Княжеское покровительство, как правило, выражалось либо в *княжеской ставропегии*, обеспечивавшей внутреннюю автономию, либо в *праве на поселении вблизи своих резиденций*, что, вероятно, отражало, во-первых, осознанием князьями особого значения проживавших вблизи их резиденций подвижников (разрешение Антонию не только поселиться вблизи княжеского замка в Берестове, главной княжеской резиденции, но в дальнейшем и расширить территорию возникшего там монастыря: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 145–147); во-вторых, личной религиозностью княжеско-боярской среды, традиционно тесно связанной с иночеством; в-третьих, определёнными материальными и политическими выгодами, обеспечивавшими через посредство монашеской колонизации княжение территорий, а в условиях Новгорода, и расширение территорий прямого княжеского управления и сборов даней. Во всяком случае, принимая княжеское покровительство, духовенство и монашество, оказывались на княжеском содержании, выходясь из-под опеки города, а вместе с тем и епископа (о княжеском духовенстве см.: Мусин А.Е. *Militēs christi* Древней Руси: Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 52–55).

⁶³ Об этом можно судить по сетованиям летописных и патериковых рассказов о довольно сложной, «постнической» и «слёзной» жизни Печерской обители в период игуменства Антония и Феодосия. Например, порой в монастыре недоставало хлеба и продуктов. И при том, что почти во всех случаях Господь не оставлял братию через милости князя, бояр и доброхотов, в экономическом отношении на этом этапе своей истории знаменитая обитель едва ли привлекала внимание митрополита. Подобная же скудость прослеживается и в первые годы существования иноческого поселения будущего Хутынского монастыря.

⁶⁴ При рассмотрении начальной истории Печерского монастыря восхищает и пробуждает уважение стойкость и верность идеалам монашеского аскетизма первых насельников обители, ютившейся в пещерах, не знавших даже минимальных удобств жизни. Если учесть, что большинство этих иноков были мужчинами, выходцами из знатных семейств или по крайней мере происходили из свободных людей (здесь всё же при оценке социальных реалий XI в. не стоит преувеличивать поздние, сформировавшиеся концу XIV в., представления о *знатности*; см. подробнее: Флоря Б.Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестие») // История СССР. 1983. № 1. С. 61–74; Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси: Мировые повседневности XI–XIII вв. М., 2007. С. 226), то их независимое поведение в отношении архиереев, положения которых они нередко и сами достигали (Киево-Печерский Патерик... С. 360–361), а также готовность отказаться от прежнего образа жизни достойны самой высокой оценки. Несомненно, что все эти качества и трудности в совокупности рождали личностей, обладавших искренним и при этом независимым взглядом на церковную жизнь и деятельность её иерархии. Впрочем, подобное упорство, очевидно про-

Источники и литература:

1. Алексеев Л.В. Крест преподобной Евфросинии Полоцкой // Российская археология. 1993. № 2. С. 70–78.
2. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 21–62.

должалось не более первых двух поколений. Уже сам факт появления в Сказании о житии Антония Римлянина запретов на покупку должности игумена и сделки с епископатом и князьями (Сказание о житии преподобного Антония Римлянина... С. 269) даёт понять, что со временем, уже во втором-третьем иноческих поколениях, в монастыри на смену ранним аскетическим идеалам, приходила житейская практичность, либо переосмысление прежних отношений с кафедрой. Примечательно, что обозначенная проблема сохраняла свою актуальность и в значительно более позднее время (см. запрет преп. Ефросина Псковского [+1481]: Преподобного Ефросина Псковского чудотворца изложение общежительного предания // *Амвросий (Орнатский), еп.* Древнерусские иноческие уставы: Уставы российских монастырначальников. М., 2001. С. 40–41). Достаточно заметить, что тот же преподобный Кирик Новгородец, хоть и сохранял за собой статус монастырского домостика, которым он, очевидно, очень дорожил, однако при составлении своего Вопросания ни разу не обмолвился и словом о родной обители, представляя свою работу в качестве самостоятельного труда, никак не связанного с деятельностью монастыря, к которому он, казалось бы, принадлежал. Более того, при общении с новгородским владыкой Кирик, а так же его последователь Савва падают на колени, просят благословения, извиняются... Очевидно, что по мере подчинения Нифонту Кирик дистанцировался от складывавшихся между Антониевым монастырём и Софийской кафедрой отношений. Подобным образом вёл себя и смоленский игумен Авраамий, казалось бы, ещё недавно противостоявший епископскому суду и испытывший на себе всю тяжесть архиерейского всевластия (Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // РИБ. Т. 6. Стб. 26, 56; Житие Авраамия Смоленского... С. 52–57; Гайдено П.И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. С. 181–184) Правда, в случае с Авраамием Смоленским, едва ли верно утверждать, что его положение было независимым от кафедры. Скорее наоборот, он находился в канонической власти Смоленского епископа, что, собственно, и позволило совершить неправый суд. Заметим, что выступивший в защиту Авраамия и ругавший во время суда архиерея и его судей священник княжеского храма Лазарь, в дальнейшем занявший смоленскую кафедру, чувствовал себя вполне независимо и не страшился за свои дерзкие слова (Житие Авраамия Смоленского... С. 44–47). Что же касается упомянутого Саввы, то и на него распространялась епископская юрисдикция Нифонта, и при этом, скорее всего, Савва был епископским «секретарём» и бельцом (Гайдено П.И., Фомина Т.Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопросания» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. № 16 (270). С. 83–92). Тем не менее, при оценке выказывавшимся этими лицами смирения перед их епископами нельзя не заметить, что ничего подобного не видно в поведении Антония Римлянина, а тем более Антония и Феодосия Печерских. Более того, рассказывая о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г. митрополит за своё неверие в святость князей-страстотерпцев подвергся со стороны монахов осмеянию (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171–172; Сказание чуд[е]сь с[вя]тою страсть[те]рпцю х[ристо]воу романа и д[а]в[и]да г[оспод]и бл[аго]с[ло]ви о[г]т[е] // Успенский сборник XII–XIII вв. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 62). Подобное поведение иночества в более поздние периоды уже воспринималось не как норма, а как существенный канонический проступок.

3. *Гайденко П.И.* Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. 212 с.
4. *Гайденко П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: Университетская книга, 2013. 150 с.
5. *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. № 16 (270). С. 83–92.
6. *Галимов Т.Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII — первой трети XIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2012. Вып. 52. № 25 (279). С. 104–114.
7. *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. 597 с.
8. *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви: Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 2. М., 1904. 926, XVII с.
9. Данная Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, купленную им у Смехна и Прохна Ивановых детей // ГВНП / Подг. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валк. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159.
10. *Дворниченко А.Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: «Евразия»; М.: ИД «Клио», 2014. 560 с.
11. *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневности XI–XIII вв. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 512 с.
12. *Доброклонский А.П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2001. 936 с.
13. Духовная Антония Римлянина // ГВНП / Подг. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159–161.
14. *Евгений (Болховитинов), митр.* Описание Киево-Печерской Лавры с присовокуплением разных грамот и выписок. Киев, 1847. 340 с.
15. Житие Авраамия Смоленского // БЛДР: Т. 5: XIII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. С. 30–65, 456–459.
16. Житие Варлаама Хутынского // *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 319–324.
17. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1978. С. 305–392.
18. *Зверинский В.В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: В 3 т. СПб., 1892. Т. 2. 472 с.
19. *Иловайский Д.И.* История России: в 5 т.: Т. 1. Ч. 2: Владимирский период [Электронный ресурс] // http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_istoriya_rossii_t1_ch2_vladimirskiy_period.html, свободный — Проверено 18.02.2016.
20. Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 1–20.
21. Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296–489, 641–667.
22. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Изд-во Астрель; Изд-во АСТ, 2003. 395, [5] с.
23. *Костромин К.А.* Развитие антилатинской полемики в Киевской Руси (XI — сер. XII вв.): Страницы истории межцерковных отношений. Saarbrücken: Sanktum, 2013. 149 с.
24. *Кузьмин А.Г.* Крещение Руси. М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. 416 с.
25. *Лихачёв Д.С.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. Л.:

Наука, 1983. 640 с.

26. *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 472 с.

27. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988–1240). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.

28. *Малицкий П.И.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2000. 464 с.

29. Месяца мая в 23-й день житие преподобныя матери нашея Евфросинии // Жития святых в древнерусской письменности: Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред., сост., вступ. ст. М. С. Крутовой. М.: ПСТБИ, 2002. С. 153–169.

30. *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Кругъ, 2011. 544 с.

31. *Мусин А.Е., диак.* Епископ Ианн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в древней Руси // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород, 1998. Вып. 12.

32. *Мусин А.Е.* Milites christi Древней Руси: Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 368 с.

33. Неизвестны(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игумену выпрашающу . оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: Индрик, 2004. Вып. 11. С. 233–255.

34. *Овчинников Г.К.* Иларион-Русин — выдающийся мыслитель Древней Руси (Очерки жизни и творчества). М.: МГИУ, 2011. 408 с.

35. *Петрушко В.И.* История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 356 с.

36. *Печников М.В.* Иоанн Попьян († после 1130) // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. Т. 23. С. 432–434.

37. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Аментьева. СПб.: Византинороссика, 1996. Т. 1. 572 с.

38. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.

39. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.

40. ПСРЛ. Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. XII, 720 с.

41. *Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Аментьева. СПб.: Византинороссика, 1996. С. 443–499.

42. Преподобного Ефросина Псковского чудотворца изложение общежительного предания // *Амвросий (Орнатский), еп.* Древнерусские иноческие уставы: Уставы российских монастырначальников. М.: Северный паломник, 2001. С. 38–56.

43. *Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 246 с.

44. *Симонова А.А.* Эволюция древнерусского религиозного мировоззрения XI–XIV вв.: Дисс. к.и.н. М., 2011. 336 с.

45. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 233–272.

46. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / Сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 174–190.

47. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. В 3 т.: Т. 1: Жизнь св. княгини Ольги. Степени I–X / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.

48. Съказание чуд[е]сь с[вя]тою страсть[те]рпцю х[ристо]воу романа и д[а]в[и]да г[оспол]и бл[аго]с[ло]ви о[т]че // Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. С. 58–71.

49. *Тальберг Н.* История Русской Церкви. Джорданвиль, 1959. 924 с.

50. *Ужанков А.Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: Академкнига, 2014. 350 с.

51. *Флоря Б.Н.* Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.) / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Знак, 2012. С. 9–94.

52. *Фомина Т.Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М.: Университетская книга, 2014. 360 с.

53. Хиландарский устав [Электронный ресурс] // <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/2199>, свободный – Проверено 18.02. 2016.

54. *Цытин В., прот.* Каноническое право. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 864 с.

55. *Щапов Я.Н.* Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. 240 с.

56. *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 292 с.

57. *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.